

СОЛОВЬЕВА Анна Николаевна / Anna SOLOV'eva

| «Этническая субкультура»: концептуализация этничности в контексте культурных различий |

СОЛОВЬЕВА Анна Николаевна / Anna SOLOV'eva

Россия, Архангельск.
Северный (Арктический) Федеральный университет. Кафедра культурологии и религиоведения.
Доктор философских наук, доцент.

Russia, Arkhangelsk.
Northern (Arctic) Federal University (NArFU).
Department of Culture and Religious Studies.
Dr., Professor.

annasolov@mail.ru

«ЭТНИЧЕСКАЯ СУБКУЛЬТУРА»: КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ ЭТНИЧНОСТИ В КОНТЕКСТЕ КУЛЬТУРНЫХ РАЗЛИЧИЙ

В статье анализируются категории «этничность» и «субкультура», сложившиеся в теоретических традициях социального конструктивизма и постструктурализма. Их содержание отражает базовую для западного этнокультурного дискурса поляризацию «Я (мы, свои) / Другой», что определяет сходство в использовании их для анализа практик групповых различий в современном мультикультурном мире.

Концепция субкультуры обладает эвристическим потенциалом для осуществления антиэссенциалистских и постструктуралистских программ исследования культуры, акцентирующих множественность и амбивалентность социального позиционирования индивида в постиндустриальном мире. Критические подходы к анализу культурных различий формируются в результате деконструкции монолитности и статичности объективистского понимания категории «этническая культура», а также в ходе осознания и демонстрации индивидами творческого характера производства этнокультурных различий.

Специфика актуализации принадлежности индивида к этнической субкультуре состоит в складывании (и демонстрации) комбинации этнических, расовых, классовых, территориальных и других черт. Эти черты отражают «пограничность» и «переходность» социальной позиции представителей субкультур в пространстве поляризованной и конфликтной смысловой сферы «между» доминантной и девиантной интерпретацией ценностей этнической культуры.

Аналитическим механизмом изучения множества реакций этнических субкультур на действие «внешних» социальных факторов (репрезентированных в публичном дискурсе этнических, расовых и национальных различий) является выявление и описание специфики дискурса «этничности и культуры».

Двойное измерение этнических субкультур предполагает анализ их содержания как комбинации смыслов автономии и доминирования, культуры и структуры и дает возможность выявить те исторические или социальные условия, в которых репрезентация этничности может рассматриваться как форма демонстрации индивидуальной или групповой автономии.

Ключевые слова: глобализация, культурные различия, этничность, субкультура, критическая теория, культурные исследования, мультикультурализм, медиа, постмодернизм, постструктурализм

“Ethnic Subculture”: The Conceptualization of Ethnicity in the Context of Cultural Differences

The paper represents the categories of “ethnicity” and “subculture” as reflecting the theoretical traditions of social constructivism and poststructuralism. The categories’ content reflects the basic for the western ethnocultural discourse polarization “I (we, our) / The Other”. It determines similarities in the way of their application to the analysis of contemporary ethnic groups’ difference.

The concept “ethnic subculture” demonstrates its heuristic potential for the realization of antiessentialist and poststructuralist cultural research programs, which stress the multiplicity and the ambivalence of an individual social position in postindustrial world. The critical approaches to cultural differences analysis develop as the result of the deconstruction of monolithic and static objectified interpretation of the “ethnic culture” category, and also in the process of individual realization and demonstration of the ethnocultural differences’ creative and dynamic nature.

The specific character of the actualization of individual membership in ethnic subcultures reflects the composition (and its’ demonstration) of the number of ethnic, racial, class, territorial, gender and other features. This features represent the “border” and “transitional” character of subcultural subjects’ social position at the polarized and contradictory meaning context, forming ‘between’ the dominant and the deviant ethnic values interpretations.

The identification and the analysis of the “ethnicity and culture” discourse is the way to investigate the multitude subcultures’ reactions on outside fac-

СОЛОВЬЕВА Анна Николаевна / Anna SOLOV'eva

| «Этническая субкультура»: концептуализация этничности в контексте культурных различий |

tors (ethnic, racial, gender and national differences, represented in public discourse). The idea of "double nature" of ethnic subcultures presupposes their analysis as the combination of autonomy and domination, culture and structure values. It gives the chance to identify the historical and social situations, where ethnicity may be understood as the form of individual and group autonomy.

Key words: globalization, cultural differences, ethnicity, subculture, critical analysis theory, cultural studies, multiculturalism, media, postmodernity, poststructuralism

Процессы глобализации, сделавшие неотъемлемой частью современного культурного ландшафта реальные и осуществляемые в виртуальном пространстве транснациональные миграции, сформировали набор новых культурных сообществ, которые не вписываются в общепринятые классификации, а противостоят им или делают их бессмысленными. Эффекты глобализации в культуре можно выявить, с одной стороны, в безоговорочном принятии и утверждении различий, а с другой — в их размывании и творческом комбинировании. Реализация эффективной культурной политики в данных условиях требует создания новой концепции современной культуры, не сводящейся к простой оппозиционности тактик сопротивления условиям окружающей жизни или капитуляции перед ними.

Яркие и красочные описания этнических ритуалов, обычаев и символов сегодня стали неотъемлемой частью исследований культуры, осуществляемых в самых разных областях знания: культурологии, географии, истории, этнологии, социологии, психологии, педагогике, искусствоведении, литературоведении. Содержание и познавательные границы этнокультурных интересов современных социальных и гуманитарных наук предельно вариативны и отражают как эклектичность их фундаментальных оснований, так и политическую амбивалентность их прикладных аспектов.

В современной социальной теории этническая группа рассматривается не столько как заранее установленная и хорошо обоснованная общность, сколько как «сообщество», складывание которого отражает не наличие, а осознанную людьми потребность в принадлежности к коллективу, представленному (в индивидуальном или социальном воображении) как устойчивый и надежный «дом». Многообразие исследуемых социологами, антропологами и политологами современных сообществ, помещенных в изменчивый контекст глобализации, — это либо этнические, либо придуманные по образцу этнических группы.

Внешняя очевидность, непосредственность и простота чувственного восприятия и рационального объяснения людьми их культурных различий в качестве «этнических», а также описания этнической принадлежности как «естественно происходящей от несхожести культур» подвергается сомнению и опровергается в ситуациях, когда за калейдоскопичной картинкой «народных экзотик» скрывается оправдание практик эксплуатации и неравенства. Выявление ошибок, противоречий, непоследовательности и несправедливости культурных суждений, реализуемых в деятельности людей, включенных в иерархические структуры отношений, регулируемые институтами и практиками их сообществ — является главной целью программы критического анализа этничности. Актуальность применения методологии критического анализа в изучении

репрезентаций этничности и культуры объясняется необходимостью определения влияния властных отношений на структурирование этнических идентичностей и продиктованных ими культурных практик.

На наш взгляд основанием формирования рефлексивной критики теорий этничности и культуры может служить предложенное Х. Баба разграничение содержания категорий «культурное разнообразие» и «культурное различие». Категория «культурное разнообразие» конструирует культуру в качестве объекта эмпирического знания: выглядящей (в научных и популярных описаниях) статичной и замкнутой в ее историко-географических границах, требующей оценки, а не опыта «проживания». «Культурное разнообразие» — объект сравнительного анализа, используемого в этике, эстетике или этнологии. Декларирование разнообразия означает признание существования истонно «данных» культурных содержаний и форм. В контексте идеологии релятивизма оно актуализирует комплекс идей либерального мультикультурализма, стимулирует практики пропаганды «культурного обмена» или универсальности ценностей «общечеловеческой» культуры. Репрезентацией культурного разнообразия реализуют риторику радикальной «разделенности» самодостаточных культур, «незатронутых» интертекстуальностью их исторического контекста, законсервированных утопичностью мифологической памяти об уникальности коллективной идентичности¹.

«Культурное различие» — механизм артикуляции, с помощью которого культурные высказывания (или высказывания о культуре) разграничивают, дифференцируют и утверждают конфигурацию пространств референции власти, ее допустимости и возможности. Категория «культурное различие» отражает процесс представления культуры в качестве «осознаваемой», в виде значимой и авторитетной стратегии складывания систем групповых и индивидуальных идентификаций. Акцентирование культурных различий характерно для обоснования необходимости помещения «этничности» в пространство критического и дискуссионного рассмотрения проблем современного мира.

Если перефразировать высказывание Э. Саида, то феномен культурных различий связан не столько с соответствием между этничностью и специфичностью ее культурных оснований, но с внутренней согласованностью этничности и реализуемых в ее практике репрезентаций культуры в качестве «этнической», вопреки и помимо всякого соответствия или его отсутствия с «реальной» культурой². Культурные различия выражают ту рукотворную согласованность, то упорядоченное множество

¹ Bhabha H. The location of culture. — NY, 1994. P. 34.

² Саид Э. Ориентализм. Западные концепции Востока. — СПб, 2006. С. 13.

идей, которое представляется наиболее важным в отношении этничности, а не просто ее существование.

Осуществление анализа культурных различий предполагает не только выявление культурных аспектов базового этнического различия (провозглашения неравенства двух культур «своей» и «чужой»), но «также и целого ряда «интересов», которые такими средствами, как гуманитарные открытия, филологические реконструкции, психологический анализ, ландшафтные и социологические описания данное различие не только создает, но и поддерживает»³. Дискурс «этничности» и «культуры» (интерпретируемый в качестве самостоятельного смыслового поля артикуляции групповых различий) никоим образом не состоит в непосредственных отношениях с политической властью как таковой. Скорее, дело обстоит так, что он производится и существует в неравном обмене с различными видами власти, он до некоторой степени сформирован этим обменом с политической властью (колониальным или имперским истеблишментом), интеллектуальной властью (например, господствующими науками..., или современными политическими науками), властью культурной (традициями или канонами вкуса, текстами, ценностями), властью моральной (представлениями о том, что такого делаем «мы», чего «они» не могут ни сделать, ни понять). Основываясь на таком понимании процессов складывания и воспроизводства этнокультурных различий, можно предположить, что понятия «этничность» и «культура» представляют собой узловые точки и привилегированные знаки, вокруг которых строится конкуренция между дискурсами (научных дисциплин, политических и социальных программ, художественных проектов) за возможность фиксации их смысла.

Современные формы протекания глобально-регионально-локальных процессов связаны с деятельностью представителей элитарной и массовой, крестьянской и городской, национальной и транснациональной культур. Например, культурные традиции тех, кто представляет собой этническое «большинство» государства, существуют в стандартизированных и унифицированных формах, имеющих официальный (так называемый натурализационный) статус. В процессах становления наций регионально-локальная этнокультурная идентичность «титულных» групп формируется как в противоположность «другим», представленным меньшинствами, так и вопреки собственному образу как «других», созданному в рамках господствующей идеологии.

Процессы интерпретации и трансформации моделей поведения, ценностей и символов, представленных как «наследственные» или «традиционные» этнические основания складывания сложноструктурированных социальных групп, приводят к формированию этнических сообществ, границы которых осознаются как возникающие «внутри» или «вопреки» доминантной (представленной в качестве универсальной и всеобщей модели солидарности) структуре культуры. Их подчиненное положение внутри более масштабного культурного образования (этнонации, транснациональные сети диаспор и т. д.) определяет их контекстуальный характер, переходность, изменчивость и сложность «фиксации» их границ. «Локализация социальной группы в отношении к власти, авторитету,

статусу, своему собственному ощущению идентичности — этнической, профессиональной или какой-либо другой — ведет к образованию субкультуры, чьей функцией является поддержание безопасности и идентичности данной группы и порождение набора значений, которые помогают ей справляться с проблемными ситуациями»⁴. Понятие этнической субкультуры как особой культурной единицы выделяется с целью анализа процессов, возникающих в результате включенности этнической группы в структуру сложной социальной системы.

Теория культурной критики (реализуемая множеством научных направлений и школ Великобритании, США, Австралии, Германии, Франции и т. д.) позволяет анализировать множество форм репрезентации этничности в практиках и текстах субкультур, а также процесс, в котором субъекты сложноорганизованного стратифицированного пространства современной культуры используют систему этнических знаков для производства значений их групповых различий (национальных, политических, классовых, гендерных, возрастных, профессиональных и т. д.). Актуальность анализа субкультурных различий проявляется в контексте осознания значимости культурных границ, «установление» которых компенсирует искажение смыслов этнических ценностей и неадекватное использование символики в процессах социального взаимодействия.

Субкультуры могут быть определены с точки зрения частоты взаимодействия их представителей и одной или более отличительных и разделяемых ими социальных черт, среди которых может быть не только этничность, но и родство, язык, профессия, место жительства, религия, а также общее место в стратифицированной системе по отношению к власти, статусу и, в частности, богатству⁵.

Принадлежность индивида к субкультуре определяется на основании демонстрируемых им/ею специфических комбинаций стандартных признаков (внешнего облика, норм поведения и коммуникации, ценностных ориентиров и т. д.). Сознательно отождествляя себя с характеристиками субкультуры, представитель сообщества удовлетворяет потребность показать «пограничность» и «переходность» своего социального статуса. Интерпретация комбинации этнических, гендерных, религиозных и классовых признаков индивида как репрезентации лиминальности становится возможной в поляризованных доминантных/протестных культурных контекстах, порождающих противоречивые толкования универсальных символов и ценностей.

Первый (часто обозначаемый как «героический» и относящийся в 1950–1970-м годам) этап научной концептуализации субкультур в качестве «альтернативных смысловых пространств» стал реализацией попытки связать микроанализ практик девиантных культур со структурной и исторической динамикой масштабных социальных общностей (преимущественно национально-государственных). В это время складывается сохраняющий до сегодняшнего дня свою эвристическую значимость концептуальный аппарат описания молодежных субкультур в качестве «метафор социальных изменений», ярче

⁴ The Fontana Dictionary of Modern Thought. — К., 1989. P. 824. / Цит. по Шапирская Е. Н. Очерки популярной культуры. — М., 2008. С. 91.

⁵ Pitt D. Introduction // The Social Dynamics of Development. — Oxford, 1976. P. 21.

³ Там же. С. 24.

всего выражающих проблему противоречивого и спорного характера культурных трансформаций, а также разнообразия форм, в которые может воплощаться сопротивление доминантной культуре.

Реализованная в работах американских социологов и антропологов, изучающих проблемы формирования и воспроизводства «социального порядка», альтернативная (субкультурная) перспектива исследований позволяет констатировать, что нарушение конвенционального и нормативного характера общественных систем — функция меньшинств, складывающихся под влиянием «патологических» факторов. Акцентирование важности выявления связей и разрывов между доминантной (репрезентированной культурой мейнстрима) и субкультурной (девиантной) системой ценностей становится основанием для ряда теоретических моделей взаимодействия субкультуры с порождающим и воспроизводящим ее социальным контекстом. Например, в работах А. Коэна⁶, в качестве латентной функции субкультуры рассматривается выражение и разрешение противоречий (в случае молодежных культур — классовых и межпоколенных), которые остаются скрытыми и неразрешенными в доминантной культуре, а субкультурные тексты и практики интерпретируются как попытки поиска консенсуса между опытом и традицией, известным и новым. Таким образом, поляризация доминантных и девиантных социокультурных сфер оказывается методологическим приемом построения концептуальной модели функционирования субкультур в качестве механизмов «завоевания» подчиненными группами легитимного или обладающего более высоким статусом культурного пространства. Выявление и описание специфики власти, структурирующей отношения доминантной и подчиненной культур, до сих пор остается аналитическим механизмом изучения множества субкультурных реакций на действие «внешних» социальных факторов: например, эссенциализированных в публичном дискурсе этнических, классовых, гендерных, расовых и национальных различий.

Распространение в социологии и антропологии 1960-х годов рефлексивных и критических идей продемонстрировало эффективность применения к анализу субкультур методологии «насыщенного описания». Насыщенное описание субкультур основано на выявлении групповых и индивидуальных смыслов субкультурных ценностей в непосредственном этнографическом наблюдении ученого за порождающими их практиками. Задача ученого — достижение конкретного и специфического понимания ценностей субкультур в контекстах, предшествующих их «вторичному» включению (с помощью научных, правовых или медиа репрезентаций) в масштабные социальные структуры. Реализация этих задач требует признания исследователями особой важности стилистических практик и символических значений субкультур, делает актуальным поиск как качественных методов интерпретации культурных смыслов в жизненном опыте представителей самих субкультур, так и семиотических методов анализа их текстов и артефактов. Теоретическую нишу для масштабного изучения периферийных социальных объединений и их культурных практик обеспечила научная традиция, сложившаяся в рамках британской школы «культурные исследо-

вания». Методологическая программа «культурных исследований» сформировалась в 1950-е — 1960-е годы на основании комбинации марксистских, структуралистских и постструктуралистских, а также интерпретативных и критических научных методов концептуализации субкультур.

Выявление специфики жизненного опыта представителей субкультур, а также механизмов воплощения его в отчетливых культурных паттернах и экспрессивных формах стало задачей научного проекта Центра современных культурных исследований в Бирмингемском университете (далее — CCCS), результаты которого опубликованы в книге «Сопротивление через ритуалы» (под редакцией С. Холла). Главной методологической проблемой анализа субкультур оказалось моделирование связей, существующих между деятельностью их представителей в изменяющемся мире и их социальным позиционированием, осуществляемым под влиянием этого мира и внутри его границ. Решение этой проблемы предполагает представление «субъекта» субкультуры как автономного агента, «включенного» в масштабные структуры и длительные истории сообщества. Культурным контекстом проанализированных авторами «Сопротивления через ритуалы»⁷ молодежных движений является ситуация 1960–1970-х годов в Великобритании, для которой характерны послевоенное товарное изобилие и начало революции потребления, распространение медиа, рождение рок-н-ролла, новой коммерческой популярной культуры и распространение процессов «американизации». Субкультурные группы возникают и распространяются в контексте специфических социальных миров быстро меняющегося общества. Они вовсе не лишены собственной истории, хотя мифология потребления и буржуазных ценностей, артикулирующие молодежь как класс, выполняют задачи их «магического» конструирования в качестве принципиально инновационных феноменов.

Как показывает П. Виллис⁸, несмотря на распространенное представление о субкультуре как о разновидности беззакония, внутренняя структура любой отдельно взятой субкультуры характеризуется предельной упорядоченностью. Каждая часть ее органически связана с остальными, и именно через их сочетание участник субкультуры осмысляет мир. Чтобы получить объяснение того, почему тот или иной субкультурный стиль оказывается привлекателен для определенной группы людей С. Холл и другие авторы «Сопротивления через ритуалы» используют категории «гомология» и «бриколаж».

В исходном антропологическом значении «бриколаж» — одно из средств, которыми бесписьменное, не знающее техники сознание так называемого «первобытного» человека реагирует на окружающий его мир. Структуры бриколажа (результаты аккуратного и точного упорядочивания и классификации мельчайших элементов окружающего физического мира во всем его разнообразии) — «импровизированные» или сконструированные (так приблизительно можно передать процесс бриколирования), представляющие собой *ad hoc* реакции на среду, далее используются для установления гомологий и

⁷ Resistance through Rituals / Hall S., Clarke J., Jefferson T., Roberts B. (eds.). — Hutchinson, 1976.

⁸ Willis P. The Motobike within a Subcultural Group // Working Papers in Cultural Studies. — 1978. — No. 2.

⁶ Cohen P. Folk Devils and Moral Panics — London, 1972.

аналогий между устройством природы и общества, и, следовательно, для создания удовлетворительного «объяснения» мира, без которого существование в нем было бы невозможно»⁹. Д. Кларк¹⁰ дает описание механизма радикальной адаптации, подрыва и распространения субкультурой выразительных форм доминантного дискурса: «когда бриколер переставляет значимый объект внутри дискурса, обращаясь при этом к общему репертуару знаков, или когда объект помещается в иной ансамбль, создается новый дискурс, передается небывалое сообщение». Заимствованные из доминантной культуры или других субкультур объекты, сгруппированные в отчетливые субкультурные ансамбли, «начинают выражать и отражать... жизнь группы и быть созвучны с ней»¹¹. Выбранные объекты либо по своей сути, либо в адаптированном виде гомологичны основным интересам, деятельности, структуре группы и коллективному самопредставлению субкультуры. Это объекты, в которых участники субкультур увидели содержание и отражение своих основных ценностей. Таким образом, теоретическая модель субкультур, построенная на основании концепций «гомологии» и «бриколажа», позволяет демонстрировать различия, существующие между осмыслением субъектами субкультур вариативности и множественности способов демонстрации своей «принадлежности» (частичной, альтернативной или субверсивной) публичному культурному дискурсу и принятием представителями «магистральной» группы значений «нормативности» своих социальных ролей, артикулированных данным дискурсом.

Как отмечает Д. Хебдидж, «вызов гегемонии, который представляют субкультуры, не является прямым, а выражается косвенно, через стиль»¹². Стиль субкультуры раскрывает свой смысл в процессе «подвижной игры» означающих, формирующей, согласно концепции Р. Барта, «третий (открытый) смысл» (два других, «информативный» и «символический», являются закрытыми). Третий смысл как бы движется против предполагаемого течения текста, не позволяя ему достичь своего места назначения — полного и окончательного завершения. Поэтому Р. Барт описывает третий смысл как «шрам, рассекающий смысл (желание смысла)... он мешает смыслу, разрушает не содержание, а всю практику смысла»¹³. Например, визуальные ансамбли показных молодежных субкультур отличаются от тех, которым отдают предпочтение другие культуры тем, что они придуманы нарочно. Д. Хебдидж¹⁴ пишет, что «они выпячивают свои особые коды (например, драные футболки панков) или по крайней мере демонстрируют наличие кодов и возможность их нарушения (иначе говоря, носят то, что носят обдуманно, а не просто так). Можно утверждать, что «пуантом» стиля суб-

культур является коммуникативное сообщение значимого различия (и одновременно групповой идентичности)¹⁵.

Субкультуры демонстрируют концептуальные границы, проявляющиеся через осознание их важности в практике реализации групповых различий. Богатая система ритуалов «пересечения» данных границ дополняет их символическую маркированность: наличие особого субкультурного языка, эстетического стиля, норм поведения. В частности, одной из функций субкультур является выражение запретных содержаний в запретных формах. Субкультуры идут наперекор культуре мейнстрима, определяющей чертой которой является имитация природы, подмена исторических форм «естественными», перевод реального мира в его образ, Истории в Природу», который в свою очередь притворяется созданным в соответствии с очевидными законами природы¹⁶.

Единство символической системы субкультур складывается, по мнению Д. Хебдиджа¹⁷, под влиянием специфики процессов их нивелирования средствами доминантного дискурса репрезентированных субкультурами культурных различий, воспринимаемых в качестве коммуникативных «шумов», возникающих в промежутке между реальными событиями и их репрезентацией в медиа. Средства массовой информации не только фиксируют движение сопротивления, но и «находят для него место в доминирующей смысловой системе»¹⁸. Постоянный процесс восстановления разорванной связи гарантирует целостность общественного порядка; при этом субкультура как «забавное зрелище напоказ» помещается в рамки доминирующей мифологии, из которой она отчасти и происходит, — как страшилка (*англ.* folk devil), Другой или Враг. Процесс восстановления происходит в двух основных формах:

- превращение знаков субкультуры (одежды, музыки и пр.) в объекты массового производства (то есть в товарную форму);
- «приклеивание ярлыков» или «определение девиантного поведения со стороны доминирующей общественной группы — полиции, средств массовой информации, законодательства (то есть форм идеологии)¹⁹.

Таким образом, концептуализация символики групповых различий в качестве субкультуры предполагает использование исследователем двух методологических процедур. Во-первых, это выявление специфики гегемонии доминантной культуры, в рамках которой «протестные» (в случае с описанными CCCS молодежными субкультурами рабочего класса) или претендующие на право владения статусным культурным ресурсом для ее реконфигурации (в случае молодежных контркультур среднего класса) практики субкультур могут быть определены не просто как «случайность» или «стечение обстоятельств», но как «типичность» проявления «природного» («примитивные» или «дикие») или социального («блудные дети» или «бунтари») характера поведения. Во-вторых, определение базовых

¹⁵ Там же.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Hebdidge D. Subculture: the Meaning of the Style. — London, 1979.

¹⁸ Hall S. Culture, the Media and the "Ideological effect" // Mass Communication and Society / Curran et al. (eds) — Arnold, 1977.

¹⁹ Хебдидж Д. Субкультура: значение стиля. Пер. Маликовой М., Неклюдовой М. // Теория моды. Одежда. Тело. Культура. (НЛЮ) — 2008–2009 — Зима (№10) С. 135.

⁹ Hawkes T. Structuralism and Semiotics. — Methuen, 1977.

¹⁰ Clarke J. Style // Resistance through Rituals / Hall S., Clarke J., Jefferson T., Roberts B. (eds.). — Hutchinson, 1976.

¹¹ Hall S. Subculture, Culture and Class // Resistance through Rituals / Hall S., Clarke J., Jefferson T., Roberts B. (eds.). — Hutchinson, 1976.

¹² Hebdidge D. Subculture: the Meaning of the Style. — London, 1979. — С. 17.

¹³ Барт Р. Третий смысл. Исследовательские заметки о нескольких фототраммах с М. Эйзенштейном // Структура фильма. — М., 1984.

¹⁴ Хебдидж Д. Субкультура: значение стиля. Пер. Маликовой М., Неклюдовой М. // Теория моды. Одежда. Тело. Культура. (НЛЮ) — 2008–2009 — Зима (№10) С. 142.

СОЛОВЬЕВА Анна Николаевна / Anna SOLOV'eva

| «Этническая субкультура»: концептуализация этничности в контексте культурных различий |

социальных мифов (артикулированных комплексом научных, религиозных и художественных дискурсов), предоставляющих возможности нивелировать значимые в реальном жизненном опыте людей различия или идеологически оформлять (например, с помощью поляризации и объективации) противоречия, обосновывая (прагматически или морально) те способы их разрешения, которые мейнстримом признаются «разумными» и «резонными». Постоянное появление «новых» субкультур, демонстрирующих способность «ускользнуть» из категоризационных и идеологических рамок их репрезентаций в публичном дискурсе, требует от их исследователей выработки методологической стратегии деэссенциализации базовых концептов, отражающих детерминанты культурных различий (гендер, этничность, раса, класс, поколение и так далее), а также деконструкции оснований классификаций и типологий механизмов их осуществления.

Концепции субкультур, разработанные в 1960–1970-е годы, безусловно, отражают как теоретический, так и политический «климат» своего времени. Определение стратегии использования понятия «субкультура» в контексте культурной ситуации 1980-х годов (преимущественно европейской и американской) делает необходимым пересмотр его значения и эвристического потенциала. В результате критического переосмысления понятия «субкультура» выявляются следующие «недостатки» теоретических и методологических рамок концептуализации субкультур представителями школы «культурных исследований». Во-первых, дискурс стилистически излишне акцентирует семиотическую реакцию субкультур на исключение, выводя семиотическую игру с заимствованными текстами за границы тех воображаемых или реальных контекстов, в которых происходит культурная деятельность их участников²⁰. Во-вторых, анализ процесса создания субкультурного Другого, который демонстрирует реализацию роли медиа, магистральных и популярных культурных практик, недооценивает то значение, которое они играют в конструировании субкультуры изнутри, с точки зрения ее представителей. Начиная с 1980-х годов, отличительной чертой субкультур (отделяющей их от политического облика их героических прототипов 1950–1960 годов) является их прекрасная медиа-осведомленность и медиа-направленность. Их стилистическую креативность уже нельзя рассматривать как происходящую в контексте «свободном от медиа», а их тексты в качестве выражающих немедленную правду жизни в «лакуне чистоты» «загрязненного» информационными «шумами» мира²¹. «Немедийная» и «антимедийная» модель субкультур делает незаметной для исследователя медиа-механизмы внутреннего структурирования субкультур, а также наличие медиа-факторов (важных наряду с детерминантами капитала и коммерции) постоянного их видоизменения и диффузии. Разные формы медиа, с помощью стратегий «раскрутки» (флайэров, например), обзоров и рейтингов (музыкальной публицистики), также сенсаций (таблоидов), эффективно акцентируя их протестный статус и пролонгируя их существование, на самом деле способствуют достижению того, что разнообразные

и диффузные культурные фрагменты соединяются в качестве распознаваемых и узнаваемых субкультур. Осознание «медийности» субкультур выявляет эмпирические ограничения их теоретической модели, представляющей их динамику как чередование периодов оппозиционности/инкорпорированности и утверждающей закономерность реализации их стилистической «ответной реакции», как формы преодоления оппозиционности состояний принятия/отвержения мейнстримом.

В-третьих, утверждение единичности линейной модели (например, классовой) в качестве основной детерминанты динамики субкультурных практик, маргинализирует другие факторы, (такие как раса, гендер, этничность, возраст) и сводит анализ их воздействия к наличию «внешнего контекста» реализации протестных практик «завоевания пространства» в географической территории. Создание многофакторной модели субкультуры основывается на гипотезе о том, что границы (носящие концептуальный характер) субкультур складываются в конкретном географическом и историческом контексте, а динамика их конфигураций отражает соотношение двух процессов: социальных противоречий (между классами, гендерами, этническими группами или поколениями) и их значений и интерпретаций, распространяемых по каналам коммуникации (посредством социализации, через устную традицию, образование и медиа). Обзор многочисленных теоретических и эмпирических исследований различных субкультур позволяет говорить о существовании традиции ее анализа на основании выделения и описания трех компонентов: пространственно-временного контекста осуществления; механизма структурной и семиотической целостности и способов воспроизводства и развития²².

В «героический» период изучения субкультур 1950-х — 1960-х годов более «заметны» и консолидированы были молодежные группы, классово артикулированные доминантным дискурсом. Под влиянием общего высокого статуса марксистского критического анализа популярной культуры связь доминирования/сопротивления с классовыми различиями была слишком «очевидна» и непроблематична для научной методологии того времени, актуализированной социальными и политическими условиями, значительно изменившимися уже в контексте 1970-х годов. Вопрос о том, исчезло ли теоретическое значение категории «класс» в условиях становления и развития постиндустриального общества потребления (1980-х — 2000-х годов), стал ключевым для множества научных дискуссий о судьбе исследований субкультур.

К 1980-м годам теоретическое наполнение категории «класс» видоизменилось, став способом понимания и описания некоторых форм социальных беспорядков. Научные и политические дискуссии по поводу состояния «деклассированности», которое политики-консерваторы (в Великобритании) определили как субкультуру безработицы, криминала и нелегальной миграции²³, были основаны на мнении, что классовые различия не только продолжают существовать в «новом» обществе, но и оказывают огромное влияние на формирование жизненных возможностей и шансов людей в

²⁰ Grossberg L. Re-placing Popular Culture // The Clubcultures Reader: Readings in Popular Cultural Studies / Redhead S., Wynne D., O'Connor J. (eds). — Maiden MA: 1997.

²¹ Thornton S. Club Cultures. Cambridge, 1995. P. 119.

²² Subculture // Dictionary of Cultural and Critical Theories. — P. 523.

²³ Once more around Resistance through Rituals // Resistance through Rituals / Hall S., Jefferson T. (eds.). — London, NY — 2003. P. vii–xxxiii.

СОЛОВЬЕВА Анна Николаевна / Anna SOLOV'eva

| «Этническая субкультура»: концептуализация этничности в контексте культурных различий |

каждой его сфере (влияние классового фактора передается от поколения к поколению, будучи глубоко укорененным в социальном порядке). Начиная с 1980-х годов в академическом, политическом и популярном дискурсе термин «субкультура» начинает широко использоваться для отражения культуры «новой бедности», возникшей в социальных контекстах деиндустриализации. В это время анализ расовой и этнической детерминант культурных различий становится неотъемлемой частью исследования субкультур.

Проект С. Холла и его коллег по CCCS, результаты которого опубликованы в книге *Policing the Crisis* (1978)²⁴, стал реализацией попытки представить расовую политику в качестве контекста, порождающего моральную панику по поводу молодежной преступности. С. Холл анализирует кажущееся малозначимым криминальное происшествие как отражение политических противоречий в репрезентации «черных» молодежных субкультур Британии, сложившихся в отчужденной бедностью, дискриминированной этничностью и расой пространстве городской окраины. Исследование С. Холла отражает перенос акцентов в изучении субкультур с увлеченности концепцией «молодежи как метафоры социальных изменений» на анализ кризиса социального авторитета власти и нарастания «моральной паники» перед «неуправляемой молодежью»: преступниками с улиц «черных» кварталов и «врагами государства». *Policing the Crisis* — анализ ситуации репрезентации этнической молодежной субкультуры, основанный на комбинации синхронного метода *case study* и динамического подхода к определению траектории трансформации субкультуры. Суть метода С. Холла состоит в выявлении и описании конфигурации экспрессивной культуры черных диаспор и расовой политики.

П. Гилрой характеризует период культурной политики Британии с 1972 по 1980 гг. как «момент регги», демонстрирующий появление черного «интерпретативного сообщества... консолидированного вокруг языка и политики идеологии растафарианства»²⁵. Д. Хебдидж²⁶ рассматривает молодежные субкультуры того времени как реализацию гипотезы о существовании чрезвычайно неустойчивой динамики «черных» и «белых» культур. Автономная линия развития «черной» культуры Британии интерпретируется исследователями субкультур как преодоление характерного для послевоенного времени недостатка культурной связности, способной объединить представителей «черной» диаспоры. Переход мигрантов в статус граждан и формирование «черного» сообщества в городах создавало в популярной культуре общества «хозяев» противоречивый образ «присутствия Других»²⁷. Уникальная, синкретичная диаспорическая культура «черной» Британии возникла в городах конца 1970-х годов в результате соединения опыта расовой дискриминации с процессами трансатлантического смешения

культур, которые реализуют матрицу «черной Атлантики». Ее базой является складывание «черной» британской идентичности, политики сопротивления расизму и расовой дискриминации, идей и фантазий растафарианства, «коренной» музыки и регги, концепции «черной силы», заимствованной в движении за права человека. В контексте агрессивной расистской политики 1970-х все это сформировало оригинальное направление социального движения²⁸.

Культурный контекст конца 1970 — 1980-х годов предоставил «черной» и «белой» молодежи возможности обнаружить сходные и параллельные субкультурные значения их «патологической» постиндустриальной дезадаптации. Это означало не столько слияние двух противоположных культурных тенденций, сколько проявление устойчивости покультуры и ее способности интегрировать различные и противоречивые элементы субкультур. Так были обеспечены необходимые условия для последовавшего включения «черной» музыки и стиля в культуру мейнстрима, а также достижения ими того высокого статуса в британских молодежных «уличных» субкультурах, который, несмотря на сегодняшнюю их фрагментированность и изменчивость, они так и не утратили.

Дальнейшее развитие этой тенденции (в 1990-е) было критически оценено теоретиками субкультур. П. Гилрой, акцентируя огромное влияние афро-американской музыки и городских стилей на магистральную культуру, негативно оценивает био-политическую и эксклюзивистскую природу деклараций этнической аутентичности, искажившие ранние формы идентичности и расовой солидарности «черных». Он пишет, что «если феномен андеграунда оказывается в гламурном контексте культурных индустрий и с неизбежностью подвергается механистической коммерциализации, если маргинальность хип-хопа становится официально признанной и рутинизируется, а его протестность гиперболизируется, то «черная» музыка и соответствующий ей стиль продолжают репрезентироваться и «продаваться» в качестве «незаконных» форм культуры», утверждая неизбежность расовых и этнических различий²⁹.

Актуальность теоретизации субкультур в 1980–1990-х годах неразрывно связана с описанием и интерпретацией «деклассированного» стиля жизни этнически смешанных, но расово отделенных от магистральной культуры, представителей «бедных» городских кварталов эпохи мультикультурализма. Анализ этих субкультур демонстрирует справедливость гипотезы о том, что постиндустриализация не «случилась неожиданно», что ее ценности и практики постепенно внедрялись в жизнь и пролагали себе путь в традиционных индустриальных сообществах рабочих, воплощаясь в стиле повседневности «заброшенных» городских кварталов, пространствах социально-отверженных, а также расово и этнически дискриминированных групп — тех, кто когда-то составлял сердцевину культуры «индустриального труда». Таким образом, познавательный поворот в изучении субкультур, произошедший в период с 1960-х по 1990-е годы, привел к замене теории единичности их «классовой» детер-

²⁴ Поскольку эта книга не переведена на русский язык, то нет ее общепринятого русского названия. Можно представить несколько близких по значению смыслу текстов переводов, например: «Политизация кризиса».

²⁵ Gilroy P. *There Ain't No Black in the Union Jack: The Cultural Politics of Race and Nation*. — London, 1987. P. 197.

²⁶ Hebdige D. *Subculture: the Meaning of the Style*. — London, 1979.

²⁷ Gilroy P. *There Ain't No Black in the Union Jack: The Cultural Politics of Race and Nation...* P. 160.

²⁸ Ibid. P. 198.

²⁹ Ibid. P. 180.

СОЛОВЬЕВА Анна Николаевна / Anna SOLOV'eva

| «Этническая субкультура»: концептуализация этничности в контексте культурных различий |

минанты на концепцию «связки» множественности факторов (расовых, этнических, гендерных и др.), реализуемых на разных пространственно — временных уровнях репрезентаций жизненного опыта их участников. Категоризация деклассированных субкультур постиндустриального общества в контексте политизированной теорией и практикой мультикультурализма дискурса «этничности» основывается на возникновении особого рода «этнокультурной» восприимчивости их представителей, появлении у них способности «говорить нужные вещи нужным образом», например, выражать классовый, гендерный и возрастной опыт языком дискурса «этнических различий».

Этническая принадлежность может актуализировать значение участия индивида в региональной, детской, молодежной, профессиональной, криминальной, маргинальной, городской или сельской субкультуре, формируя специфическую комбинацию присущих им культурных черт. Для определения этнической специфики субкультур в антропологии используется модель, распределяющая субкультурные репрезентации этничности в виде концентрических кругов разной интенсивности, значение которых по-разному ранжировано для разных жизненных ситуаций человека³⁰. Наиболее интенсивными являются связи внутри того субкультурного круга, надежность и устойчивость которого принимается индивидом как данность. Границы такой субкультуры наиболее отчетливы и она располагается ближе к «центру». В разных контекстах индивид связывает свою этническую идентичность либо с местом проживания («Я — из села Х»), либо с вероисповеданием («Я — православный»), либо с территорией («Я-северянин»).

Структурный анализ этнической субкультуры осуществляется на основании положения о том, что она не просто состоит из отдельных индивидов, разделяющих общие культурные признаки и имеющих частые контакты между собой, но она всегда поделена на подгруппы, коалиции, по-разному проявляющие себя в разных ситуациях. Исследователи субкультур описывают их как относительно гибкие, открытые группы, редко аскриптивные. Можно родиться в субкультуре или выбрать ее в результате действия ряда экономических факторов. Вполне возможно быть одновременно представителем нескольких субкультур, выбирать «членство» в них. Однако в каждой конкретной ситуации индивиду необходимо идентифицировать себя с определенной субкультурой, дающей форму его социальной жизни и личности.

Как пишет Д. Хебдидж³¹, для одних субкультура представляет главное жизненное измерение — некую координатную ось, воздвигнутую перед лицом семьи и служащую стрелем для скрытой подлинной идентичности, а для других — способ немного отвлечься, слегка облегчить монотонную, но первостепенно значимую реальность школы, дома, работы. Ее могут использовать как способ бегства, полного отрыва от окружающей реальности, или как способ «выпустить пар»

на выходных или свободным вечером, а после этого снова вписаться в привычную реальность. Как отмечает в работе о скинхедах западной Австралии Д. Мооре³²: быть скинхедом — значит постоянно осуществлять связь между «субкультурным» уровнем стиля жизни, выражаемым в драках, алкогольной агрессии и сексуальной неразборчивости, которым находится оправдание как проявлениям аутентичности, и индивидуальным уровнем, включающим в себя добрые шутки, «спокойные попойки» и регулярные отношения с постоянными сексуальными партнерами, оцениваемые в терминах благопристойности. Д. Магглтон³³ рассматривает субкультуры как не «вписывающиеся» ни в модели «тесно сплоченных, группо-центрированных сообществ представителей рабочего класса пост-военного модернистского линейного времени», ни в модели «диффузных, межклассовых, индивидуалистичных, либеральных и аморфных «гибридов» постмодерного фрагментированного времени». Субкультуры являются формами выражения индивидуальной автономии «различий» в контексте культурного разнообразия.

Описание специфики адаптаций практик социальных стратификаций к этнолокальным или национальным контекстам делает значимым компонентом программы исследований субкультур их сравнение и типологизацию. Однако классическая идея сравнительной антропологии и социологии — признание существования независимых друг от друга социокультурных общностей явно не является научно продуктивной в контексте современных гетерогенных и подвижных культурных феноменов, обретающих стабильность в поле властных отношений (конструирующих различия). Изучение этнических субкультур в контексте глобализационных и транснациональных потоков означает, в первую очередь, акцентирование способа их распространения, отличающегося интерактивностью, динамичностью, изменчивостью.

Таким образом, концепция субкультуры обладает эвристическим потенциалом для осуществления антиэссенциалистских и постструктуралистских программ исследования культуры, акцентирующих множественность и амбивалентность социального позиционирования индивида в постиндустриальном мире. Возможность такого рода исследования актуализируется в результате деконструкции монолитности и статичности объективистского понимания категории «этническая культура» в осмыслении и демонстрации сообщества творческого характера процессов производства этнокультурных различий.

Концепции «этничности» и «субкультуры», сложившиеся в теоретических традициях социального конструктивизма и постструктурализма, сходным образом используются для анализа практик групповых различий, поскольку их содержание отражает базовую для западного этнокультурного дискурса поляризацию «Я (мы, свои) / Другой».

Специфика актуализации принадлежности индивида к этнической субкультуре состоит в комбинации (и демонстрации)

³⁰ Pitt D. Introduction // The Social Dynamics of Development. — Oxford, 1976.

³¹ Хебдидж Д. Субкультура: значение стиля. Пер. Маликовой М., Нелюдовой М. // Теория моды. Одежда. Тело. Культура. (НЛО) — 2008–2009 — Зима (№10) С. 161.

³² Цит. по: Once more around Resistance through Rituals // Resistance through Rituals / Hall S., Jefferson T. (eds.). — London, NY — 2003. P. vii–xxxiii.

³³ Muggleton D. Inside Subculture: The Postmodern Meaning of Style. — Oxford: 2000. P. 162–163.

СОЛОВЬЕВА Анна Николаевна / Anna SOLOV'eva

| «Этническая субкультура»: концептуализация этничности в контексте культурных различий |

этнических, расовых, классовых, территориальных и других черт. Эти черты отражают «пограничность» и «переходность» социальной позиции представителей субкультур в пространстве поляризованной и конфликтной смысловой сферы «между» доминантной и девиантной интерпретацией ценностей этнической культуры.

Аналитическим механизмом изучения множества реакций этнических субкультур на действие «внешних» социальных факторов, эссенциализированных в публичном дискурсе этнических,

расовых и национальных различий, является выявление и описание специфики дискурса «этничности и культуры», структурирующего взаимодействие его доминантных и протестных интерпретаций. Двойное измерение этнических субкультур предполагает анализ их содержания как комбинации смыслов автономии и доминирования, культуры и структуры и дает возможность выявить те исторические или социальные условия, в которых репрезентация этничности может рассматриваться как форма демонстрации индивидуальной или групповой автономии.

